

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

Все было как и должно быть. Москва, Родина, Большой театр. Или так: роскошный дом Гости Царский бал. Его хозяйка и ее домочадцы: Мстислав Ростропович, две дочери и внуки. Младший из которых — Александр-кроха, едва достигнувший двух ме-

сяцев, уже «прогуливался» на руках у примадонны за кулисами Большого театра. Вот это преемственность поколений!
Вечер спустя на торжественном открытии Первого независимого международного конкурса молодых артистов балета имени С. П. Дягилева корреспондент «ЭС» встретился с Галиной Вишневской, претендующей на эксклюзивное интервью.

Галина
ВИШНЕВСКАЯ:

«СЧА-СТЛИ-ВА...»

— Галина Павловна, я уже брала раз у вас интервью...
— У меня? Да, я помню, вы были в таком безумно-розовом свитере!
— Гм!
— Давайте, какие вопросы?
— У вас в последний приезд взяли столько интервью, что претендовать на эксклюзив — занятие неблагодарное. Вы уже все всем рассказали.
— Так ведь и выговорились наконец! Теперь по крайней мере никто не будет пускать непроверенные слухи: а Вишневская сказала... Все все слышали. А что-то и повторить не грех. Спрашивайте, не стесняйтесь.
— Вы переступили порог Большого театра спустя...
Перебивает: — Спустя восемнадцать лет. Восемнадцать лет я не была на его сцене.
— Волновались!
— А как вы думаете?
— В прошлом номере своей газеты мы гадали: какие чувства испытаете вы, войдя в театр. Реакция могла быть самой непредсказуемой!
— Запишите так: «Галина Вишневская, переступив порог Большого театра, была счастливой». Это было счастье моего окончательного примирения с моим домом, с Родиной.
— Вы нам всё всем простили!
— Ну, во-первых, «вы» тут не при чем. Так же, как и многие, кто просил у меня в этот вечер прощения. Мои добрые друзья. Те, кто просит прощения за чужой грех, совершают вдвойне благородный поступок. А с тем, с кем мне надо было свести счеты, я свела. Вы понимаете, кого я имею в виду!
— А если, не дай Бог, грянет путч, пустите Мстислава Леопольдовича к Белому дому?
— Ростроповича одного? Не-ет! Наверное, поеду с ним.
— А если бы могли поехать с ним в первый раз, поехали бы!
— Ну знаете: ушел поезд. Надо решать только тогда, когда что-то актуально, а не потом.
— Семнадцатого числа ожидается новый путч — коммунистический...
— Нет. Это вздор. К прошлому нет возврата.

— Путч путчем, защитники защитниками, а живем, между прочим, еще хуже.
— Да бросьте, бросьте. Есть положительные изменения. Сколько раз повторяла и опять скажу, а вы запишите себе, вас же читают! Закон о земле — моя главная надежда. Дайте народу землю. Не завтра утром, а уже сегодня вечером. И разгоните все партии. Все партии к чертовой матери. Работать, а не митинговать. Работать, а не болтать и совещаться. Лен — это другое дело. Но, дорогие мои, так же жить просто нельзя!
— Как вы думаете, нашим властям нравится, что вы все время им объясняете, как жить дальше?
— Я ничего не объясняю. Я делюсь своей точкой зрения со своими соотечественниками.
— Что вас привело сегодня в Зал Чайковского? Вы любите балет!
— Хочу посмотреть, кого вырастили в стране, пока меня не было.
— Галина Павловна, как относитесь к прессе? В частности, не рассердила ли вас публикация в последнем номере «ЭС». Мы разыскали ваше «личное дело»...
— Это там, где телеграмма Фурцевой? О, эта дорога стоит. А где вы взяли эти безобразные фотографии? Неужели нельзя было выбрать получше? Вот вам и ответ по поводу прессы: кто-то выкинет дрянную фотографию за ненадобностью, журналист подберет и напечатает. Я в большой претензии на этот счет всегда.
— Ну будем считать, что только на этот счет. Во всем остальном вы счастливы. Уезжаете из Москвы всем все простили и выговорившись. Когда вас опять ждать дома, Галина Павловна?
— В апреле. Приеду в Ленинград. Э-э, в Санкт-Петербург.
— Вам так больше нравится!
— Мне как раз наоборот. Но так все говорят...

Беседу вела
Натэла МЕСХИ.

● Прижидонна Большого театра со старшим внуком Ваней.

Фото В. Ванина.

Главный редактор А. А. АВДЕЕНКО